

Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций

Кононова Е. Е.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск
kononowva@mail.ru

Аннотация

Обосновывается актуальность обращения к истории «безымянного человека» как главного участника исторического процесса в условиях глобализационных процессов XXI в. В работе предпринята попытка систематизации основных положений микроисторического подхода, характерных для исследований его представителей. Отмечается особенность данного подхода – отсутствие единого теоретического базиса, ввиду чего все теоретические элементы традиционных для данного направления работ эклектичны. Основными методологическими установками называются: метод «улик», изменение масштаба исследования, идея «нормального исключения» и использование «насыщенного описания». Рассматриваются тенденции и особенности развития ключевых интернациональных микроисторических школ. Делается вывод, что микроистория в настоящее время является одним из традиционных подходов к изучению прошлого.

Ключевые слова:

методология, историография, микроистория, микроанализ, школа «Анналов», «казус», метод «улик», «насыщенное описание»

Глобализационные процессы, охватившие мир в XX–XXI вв., радикально трансформировали структуру социального пространства, способствуя размыванию традиционных государственно-политических, социокультурных и территориальных границ. На фоне этих изменений формируется новая модель человеческой общности – единая социальная система, в которой индивидуальность исторического актора постепенно уступает место коллективной идентичности, способной претендовать на глобальный масштаб.

В этих условиях особенно актуальным становится обращение к «голосам безымянных», к тем, кто, несмотря на отсутствие яркой индивидуализации, продолжает оставаться полноправным участником исторического процесса. Как отмечал американский антрополог К. Гирц, «в мире уже достаточно большого и громкого» [1, с. 29], и потому важно услышать тех, чьи истории зачастую остаются на периферии академического дискурса.

В 1970-е гг. возникает исследовательский подход, который впоследствии трансформируется в самостоятельное

Microhistory as a method: comparison of international research traditions

Kononova E. E.

Belarusian State University,
Republic of Belarus, Minsk
kononowva@mail.ru

Abstract

The relevance of referring to the history of the “nameless man” as the main participant in the historical process in the context of globalization processes of the XXI century is substantiated. The paper attempts to systematize the main provisions of the microhistoric approach, characteristic of the research of its representatives. The peculiarity of this approach is the lack of a single theoretical basis, which is why all the theoretical elements of traditional works in this field are eclectic. The main methodological guidelines are: the “evidence” method, the change in the scale of research, the idea of “normal exclusion” and the use of “rich description”. The trends and features of the development of key international microhistoric schools are considered. It is concluded that microhistory is currently one of the traditional approaches to studying the past.

Keywords:

methodology, historiography, microhistory, microanalysis, Annales school, “casus”, “evidence” method, “rich description”

направление исторических исследований – микроисторию. Стоит отметить, что микроистория никогда не представляла собой единого направления, поскольку в каждой из стран, в которой сформировалось собственное микроисторическое сообщество историков, исследуемый подход развивался со своей спецификой.

Обращение научного сообщества к микроисторическому дискурсу стало реакцией на господство глобальной истории и метанарратива с их обобщающим и формальным характером, а также на унаследованный позитивизм, в связи с чем микроистория, по словам итальянского историка Дж. Леви, есть «не что иное, как одна из гамм возможных реакций, в которых особое внимание уделялось переосмыслению концепций и глубокому анализу существующих инструментов и методов» [2, с. 94]. Выдвинутая французской школой «Анналов» концепция тотальной истории стала считаться слишком элитарной и макроисторичной. К тому же, к рубежу 70–80-х гг. XX в. стал ярко выраженным кризис социальной истории. Как итог достоверность макроисторического подхода к социальным

явлениям оказалась спорной, и «симптомом этого кризиса доверия стало выдвижение микроистории» [3] как единственного возможного экспериментального направления.

Особенностью микроисторического направления является отсутствие единого теоретического базиса. Только в 1992 г. Дж. Леви в статье «On Microhistory» [2] сделал попытку представить общую для работ представителей зарождающегося направления характеристику. Здесь необходимо обратиться к словам французского историка, представителя четвертого поколения школы «Анналов» Ж. Ревеля: «Микроистория – это не комплекс общих идей, не научная школа и тем более не автономная дисциплина... Микроистория неотделима от практики историков, от тех препятствий, с которыми они сталкиваются в ходе своих исследований» [3]. В подтверждение первого пункта высказывания французского историка следует отметить, что исследования основоположников данного направления относились к различным периодам истории, охватывали различные объекты и субъекты изучения, однако при этом в процессе работы с самостоятельно накопленными и собранными материалами у исследователей складывалось общее желание включить в сферу исторического знания уникальные и казусные явления.

Инициатива итальянских историков заключалась в решительном изменении привычных масштаба и ракурса исторических исследований, направленных на фундаментальные для глобальной истории категории и понятия, что позволило обратить внимание на конкретных индивидов, межличностные отношения, роль «маленьких людей» в историческом процессе. В результате итальянская микроисторическая школа расширила поле исторических исследований привлечением новой тематики и одновременно сузила его до изучения микроуровня истории.

Институционализация микроисторической школы связана с комплексом идей и вопросов, который объединил итальянских историков под эгидой журнала «Quaderni storici» («Исторические тетради»), а затем и книжной серии «Microstorie» туринского издательства «Эйнауди». По словам Дж. Леви, в этой серии «обычно речь идет о небольших по объему работах, в центре внимания которых находится частный сюжет» [4, с. 298–299].

Итальянскому историку К. Гинзбургу принадлежит заслуга стать первым «осознанным» микроисториком, что стало возможным благодаря его труду «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», который считается первым образцом микроисторического подхода к исследованию [5, с. 324]. Итальянский историк Дж. Леви осуществил попытку подхода к социальной истории через реконструкцию реальности с применением социального опыта в исследовании «Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века» [6, с. 16].

К середине 1980-х гг. в сообществе итальянских микроисториков определились два направления, первое из которых было представлено Э. Гренди и Дж. Леви, а второе – К. Гинзбургом. Представители первой тенденции стремились превратить историю в социальную науку и осмысливать изучаемые явления в контексте социальной жизни. Явления, исследуемые К. Гинзбургом, в свою оче-

редь, вписывались в культурные контексты. Кроме того, в итальянской микроисторической школе отсутствовало единое мнение относительно взаимодействия масштабов исследования. Представители культурного направления основывались на том, что любой анализируемый объект «состоит из хронологий разной глубины, и по этой причине требует взаимодействия больших и меньших масштабов» [8, с. 19]. В свою очередь, микроисторики социального направления настаивали на применении именно микромасштаба, который предоставляет возможность анализировать явления различного масштаба [там же, с. 19].

С конца 1970-х гг. во французской исторической школе «Анналов» наблюдается эпистемологический кризис, в рамках которого пересматриваются существовавшие ранее подходы и установки к изучению прошлого. Если ранее предметом исторического исследования было общество как совокупность «структур большой длительности», то сейчас общество выступает в качестве продукта взаимодействия участников общественного процесса [9, с. 15]. Одним из классических французских исследований микроисторического дискурса является работа «Монтаю, окситанская деревня (1294–1324)» французского историка Э. Ле Руа Ладюри. Чтобы в полной мере понять французские крестьянство и деревню, он призывал «начать с самого простого, рассмотреть "клетку", базовую ячейку, которая, будучи воспроизведена в количестве нескольких десятков экземпляров, и формирует Монтаю» [10, с. 37]. Изучая всесторонне «нижний геологический слой», т. е. повседневную жизнь деревни, Э. Ле Руа Ладюри воплощает одну из методологических установок школы «Анналов» – принцип «тотальной истории».

Необходимо отметить, что микроисторической институционализации во франко- и англоязычной историографии не состоялось, однако данный метод получил свое распространение здесь в качестве нового подхода к пониманию и анализу макроисторических явлений.

Так, микроисторическая методология была использована в начале 1970-х гг. в работах англоязычных историков – Э. Хобсбаума и Э. П. Томпсона, указавших на важность изучения некоторых исключительных событий, которые обладают способностью выявлять скрытые структуры [11, с. 110]. Британский историк Э. Хобсбаум в своем исследовании «Простые бунтовщики. Исследования архаичных форм социальных движений в XIX–XX вв.» [12] подчеркивал необходимость изучать такие «примитивные», или «архаичные», формы социальной агитации, как бандитизм, крестьянские революционные движения, бунты и т. п. Эти социальные явления часто остаются за пределами сферы научного интереса и изучения, так как относятся к миру неграмотных людей. Микроисторический характер методологии носил труд британского историка Э. П. Томпсона «Виги и охотники: происхождение закона о чернокожих» [13]. Исследователь начал с опыта простых лесничих и проследил структуры, которые связывали их с властью [там же, с. 16]. Американско-канадский историк Н. Земон Дэвис в сборнике эссе «Общество и культура в ранней Современной Франции» обратилась к микромасштабному анализу с целью проверки устоявшихся обобщений. Она

исследовала взаимодействие людей, большинство из которых были неграмотными, и культуры посредством набора конкретных примеров, а не систематически [14, с. 15].

Микроисторический дискурс в немецкой историографии проявился в научной концепции «Alltagsgeschichte» («Повседневная история» нем.). Сферой исследовательского интереса микроистории здесь является история повседневности, при этом первое понятие выступает в качестве метода для изучения второго [15]. В середине 1970-х гг. немецкие историки А. Людтке и Х. Медик настаивали на необходимости уделять особое внимание восприятию повседневной жизни самими «рядовыми» людьми, «глазами маленького человека» [16, с. 10–11].

Первой особенностью немецкой микроисторической концепции является то, что толчком к ее созданию стали, прежде всего, ревизия истории нацизма и потребность в ее более глубоком осмыслении, а также «открытый бунт против господствовавшей в 1970-е гг. в Германии историографической традиции» [там же, с. 13]. Вторая особенность «повседневной истории» заключается в ее генезисе в качестве общественного движения, инициированного простыми немецкими гражданами. Крайне болезненной и нуждающейся в полноценном и всестороннем освещении, в том числе в рамках политики коммеморации, темой, особенно для молодого поколения граждан Федеративной Республики Германия, стала жизнь при национал-социализме. Эта идея первоначально была воплощена на любительском уровне; позднее профессиональные историки включили в «любительскую историю повседневности» научную составляющую. В отличие от немецкой «повседневной истории» итальянские историки стремились не столько реконструировать повседневную жизнь непримечательных людей, сколько применять микроизмерение в процессе анализа определенных явлений с целью объяснения макромира [17].

Американский историк Б. С. Грегори называет «Alltagsgeschichte» попыткой интегральной истории, поскольку она выявляет и интегрирует все материальные, социальные, культурные и иные данные в целях наиболее полной реконструкции повседневной жизни населения [18, с. 102]. Также он предлагает ввести различия между «эпизодической» и «систематической» микроисторией. Первая отчетливо прослеживается в работе К. Гинзбурга «Сыр и черви...», которая основана на исследовании определенного незначительного «эпизода» в целях изучения таких аспектов прошлого, как, например, взаимосвязь между элитой и массовой культурой на основании материалов инквизиции, которые не поддаются изучению с помощью традиционных методологических приемов и установок. Систематическая микроистория фигурирует у Б. С. Грегори в качестве нового способа изучения социальной истории в рамках работы Дж. Леви [6]. Американский историк делает вывод о близости «Alltagsgeschichte» с систематической микроисторией, нежели с микроскопической областью исследования [18, с. 102–104].

О корнях возникновения российской ветви микроистории историк-медиевист М. А. Бойцов писал, что будущим последователям данного направления привлек перенос

внимания с традиционных для истории явлений и процессов на рядового человека, противостоящего общепринятым нормам, установкам и культурным клише [19, с. 115]. К тому же, в конце 1980-х гг. резко расширились международные контакты российского исторического сообщества. Прародителем этого направления стал историк-медиевист Ю. Л. Бессмертный, положивший начало институционализации микроистории в России путем основания альманаха «Казус», который просуществовал в 1996–2020 гг. В центре казуального подхода к микроистории находится «казус», частный, индивидуальный, нетипичный случай. То есть его представители смещали фокус на определенное событие, имевшее место в прошлом, в целях его всестороннего изучения и «насыщенного описания». Противопоставляя данный подход историографической традиции изучения больших долговременных процессов и событий и французской истории ментальностей, игнорировавшей индивидуальные и конкретные социальные практики, Ю. Л. Бессмертный с помощью анализа казусов предполагает получение отдельных примеров макроявлений [20, с. 20].

Таким образом, микроисторические веяния западной историографии, пришедшие в Россию, стали широко использоваться и получили название «казуального подхода». Отличительной особенностью российской микроистории стало то, что данное направление здесь стало развиваться по направлению от заимствованных теоретических и практических наработок зарубежных микроисториков к их практическому воплощению в исследованиях. В свою очередь, зарубежная микроистория шла по пути от практических исследований к формированию некоторых теоретических постулатов и концептуальных установок.

С нашей точки зрения, можно выделить ключевые характеристики микроисторического подхода, которые в целом сформировались к концу 1970-х гг. Необходимо напомнить, что «микроистория, как и любая экспериментальная работа, не имеет устоявшейся ортодоксии, на которую можно было бы опираться» [2, с. 94]. Поэтому теоретические элементы каждой из работ микроисторической направленности достаточно эклектичны.

В качестве первой характеристики микроисторический подход предполагает изменение масштаба исследования «для экспериментальных целей». По словам Дж. Леви, «для микроистории уменьшение масштаба является аналитической процедурой, которая может быть применена в любом месте независимо от размеров анализируемого объекта» [2, с. 95]. Однако он указывает, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [21, с. 193]. К тому же, объединяющим принципом всех микроисторических исследований выступает «вера в то, что микроскопическое наблюдение позволит выявить факторы, ранее не наблюдавшиеся» [2, с. 97]. Поэтому исследователи, следующие данному методологическому принципу, в подробностях изучают отдельного человека, деревню, социальную группу, их повседневную жизнь с целью понять путь, стремления и проблемы определенного человека или общества для включения полученного результата в макроисторический контекст, объяснения их взаимодействия и, как итог, по-

лучения полноценной картины анализируемого объекта или явления.

Вторым методологическим признаком рассматриваемого направления выступает введенный К. Гинзбургом метод «улик». Подробнее рассмотреть его уникальный подход позволит его исследование «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» [22]. Здесь необходимо обратиться к «мореллиевскому методу», к которому апеллировал К. Гинзбург. Дж. Морелли, итальянский историк искусства, с целью отличать копии великих картин от подлинников обратил свое внимание на их второстепенные детали, такие как мочки ушей, ногти, форма пальцев и т. п. Вскоре этот метод был дискредитирован из-за механистической и позитивистской направленности [там же, с. 189–190]. Так, подход Дж. Морелли, опорой которого является внимание к деталям, стал одной из частей, сформировавших метод «улик» К. Гинзбурга. Сопоставив далее «мореллиевский» подход с методом Шерлока Холмса, строившего свою работу на незаметных для большинства мелких уликах, с психоанализом З. Фрейда, выдвинувшего на первый план «отбросы», побочные факты, мелкие, незначительные подробности как проявления скрытой истины, К. Гинзбург приходит к объяснению тройной аналогии: «Фрейд был медиком; Морелли окончил медицинский факультет; Конан Дойль работал врачом, пока не посвятил себя окончательно литературе. Во всех трех случаях явственно просматривается модель медицинской семиотики – дисциплины, которая позволяет, опираясь на поверхностные симптомы, <...> диагностировать болезни, недоступные для прямого наблюдения» [там же, с. 196–197]. Так, ядром уликовой, или семиотической, парадигмы К. Гинзбург называет следующую идею: «Даже если реальность и непрозрачна, существуют привилегированные участки – приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [там же, с. 224–225].

Идея «нормального исключения» выступает как третий методологический признак микроисторического подхода. Данная концепция подчеркивает важность концентрации внимания исследователя на отдельных объектах, «выделяющихся из толпы», и обоснования их значимости в истории [23, с. 149]. Э. Гренди говорил о необходимости сосредоточить внимание на «исключительно нормальном», т. е. на необычных документах, которые в случае применения микроисторического подхода могли бы пролить свет на общие тенденции [17]. Феномен Меноккио, который, с одной стороны, является обычным мельником, а с другой – философом-примитивистом, что не характерно для социального слоя, к которому он принадлежит, представляет собой пример «нормального исключения» [24, с. 10].

Тесно связывает микроисторические исследования и антропологию «насыщенное описание» американского антрополога К. Гирца, которое позволяет успешно использовать микроскопический анализ незначительных явлений или событий в качестве средства для получения более глубоких и общих выводов. Этнографическое описание, по его мнению, имеет четыре особенности: интерпретативность; интерпретация социального дискурса; «интерпретация состоит в попытке спасти "сказанное" в этом дискурсе от исчезновения и зафиксировать его в доступной

для дальнейших исследований форме»; микроскопичность [1, с. 29]. Антропологи через детализированное исследование мелких явлений выходят к более широким интерпретациям «больших явлений», равно как и микроисторики.

Венгерский микроисторик И. Сиярто в качестве аргументов в пользу микроориентированной истории подчеркивал ее привлекательность для широкой публики, реалистичность и внимание к личному опыту людей. Однако будучи в первую очередь историческим исследованием, «занимательное микроисторическое повествование» отличается наличием в своем фундаменте действительно имевших место маленьких исторических фактов. Именно это придает ему реальный характер и приближает читателя к миру «маленьких людей», их повседневной жизни, т. е., по словам И. Сиярто, «дает более реальную историю», чего не может сделать историческое исследование [25, с. 210–211].

Работая с «микроскопом», историк концентрируется на определенных «казусах», событиях, людях с целью более глубоко погружения в предмет исторической науки, а также дать ответы на великие исторические вопросы. Взаимодействие мелких фактов и больших событий, таким образом, придает диалогический характер микроисторическим исследованиям. В результате получается совершенно другая картина прошлого, в том числе его повседневная сторона со всеми трагедиями, трудностями, с которыми столкнулись «рядовые» люди. Поэтому исследования подобного характера можно называть «историей снизу».

Следует сделать вывод, что на сегодняшний день положение микроисторического подхода к изучению истории в современном научном пространстве коренным образом изменилось. Если с момента его зарождения, примерно с 1970-х гг., наблюдалась вариативность его применения различными историческими школами, редко институционализированными, то теперь микроисторию можно с уверенностью назвать одним из способов и подходов к изучению прошлого. На приверженности этому дискурсу авторами исследований зачастую уже не делается акцент и не обосновывается необходимость его использования, что свидетельствует о высокой степени его интеграции в общепринятую методологическую науку и научную базу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОС-СПЭН, 2004. – 560 с.
2. Levi, G. On Microhistory / G. Levi // *New Perspective on Historical Writing*. – University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. – P. 93–113.
3. Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // *Одиссей*. – 1996. – С. 111–112.
4. Гренди, Э. Еще раз о микроистории / Э. Гренди // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. – 1996. – Вып. 1. – С. 291–302.

5. Гинзбург, К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / К. Гинзбург // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 287–320.
6. Levi, G. Inheriting power. The story of an exorcist / G. Levi. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. – 209 p.
7. Kracauer, S. History, the last things before the last / S. Kracauer. – New York: Oxford University Press, 1969. – 269 p.
8. Cerutti, S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / S. Cerutti // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. – Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. – P. 17–40.
9. Бессмертный, Ю. Л. Что за «Казус»?.. / Ю. Л. Бессмертный // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – 1996. – Вып. 1. – С. 7–24.
10. Ле руа Ладюри, Э. Монтаю, окситанская деревня (1294–1324) / Э. Ле руа Ладюри; пер. с фр.: В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 541 с.
11. Peltonen, M. What is micro in microhistory? / M. Peltonen // Theoretical discussions of biography. Approaches from history, microhistory, and life writing. – Leiden/Boston, 2014. – P. 105–118.
12. Hobsbawm, E. J. Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries / E. J. Hobsbawm. – New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. – 208 p.
13. Thompson, E. P. Whigs and Hunters: the origin of the black act / E. P. Thompson. – London: Penguin Books, 1977. – 328 p.
14. Zemon Davis, N. Society and culture in early modern France / N. Zemon Davis. – Stanford, California: Stanford University Press, 1975. – 362 p.
15. Оболенская, С. В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» / С. В. Оболенская // Одиссей. – 1996. – С. 129–130.
16. Людтке, А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона [и др.]. – М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с.
17. Trivellato, F. Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? / F. Trivellato // California Italian Studies. – 2011. – Vol. 2. – № 1.
18. Gregory, B. S. Is small beautiful? Microhistory and the history of everyday life / B. S. Gregory // The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – P. 100–110.
19. Бойцов, М. А. Притихшая микроистория / М. А. Бойцов // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 160. – С. 113–121.
20. Акельев, Е. В. И снова «Казус»? / Е. В. Акельев, М. Б. Велижев // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – С. 18–27.
21. Медик, Х. Микроистория / Х. Медик // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – № 4. – С. 193–202.
22. Гинзбург, К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни / К. Гинзбург // Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 189–241.
23. Magnusson, S. G. What is Microhistory? Theory and Practice / S. G. Magnusson. – URL: https://www.academia.edu/5205155/What_is_Microhistory_Theory_and_Practice_2013_ (date of access: 15.07.2025).
24. Кошелева, О. Е. «Микроистория»: несколько слов к читателю новой книжной серии / О. Е. Кошелева // Индивидуальное и уникальное в истории. Антология. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – С. 7–17.
25. Szijártó, I. Four arguments for microhistory / I. Szijártó // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. – 2002. – Vol. 6. – № 2. – P. 209–215.

References

1. Geertz, C. Interpretaciya kul'tur [The Interpretation of Cultures] / C. Geertz. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 580 p.
2. Levi, G. On Microhistory / G. Levi // New Perspective on Historical Writing. – University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 1992. – P. 93–113.
3. Revel, J. Mikroistoricheskiy analiz i konstruirovaniye sotsialnogo [Microhistorical analysis and the construction of the social] / J. Revel // Odissey [Odysseus]. – 1996. – P. 111–112.
4. Grendi, E. Eshche raz o mikroistorii [Once again about microhistory] / E. Grendi // Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii [Casus. Individual and unique in history]. – 1996. – P. 291–302.
5. Ginzburg, K. Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nej znayu [Microhistory: two or three things that I know about it] / C. Ginzburg // Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya [Myths, emblems, clues: Morphology and history]. – Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004. – P. 287–320.
6. Levi, G. Inheriting power. The story of an exorcist / G. Levi. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. – 209 p.
7. Kracauer, S. History, the last things before the last / S. Kracauer. – New York: Oxford University Press, 1969. – 269 p.
8. Cerutti, S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / S. Cerutti // Between sociology and history. Essays on microhistory, collective action, and nation-building. – Helsinki: SKS / Finnish Literature Society, 2004. – P. 17–40.
9. Bessmertny, Yu. L. Chto za "Kazus"?.. [What kind of "casus?"] / Yu. L. Bessmertny // Kazus. Individualnoe i unikalnoe v istorii [Casus. Individual and unique in history]. – 1996. – Issue 1. – P. 7–24.
10. Le Roy Ladurie, E. Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, an Occitan Village (1294–1324)] / E. Le Roy Ladurie. – Ekaterinburg: Ural University Publ. House, 2001. – 541 p.
11. Peltonen, M. What is micro in microhistory? / M. Peltonen // Theoretical discussions of biography. Approaches from

- history, microhistory, and life writing. – Leiden/Boston, 2014. – P. 105–118.
12. Hobsbawm, E. J. Primitive rebels: studies in archaic forms of social movements in the 19th and 20th centuries / E. J. Hobsbawm. – New York: FREDERICK A. PRAEGER, 1959. – 208 p.
 13. Thompson, E. P. Whigs and Hunters: the origin of the black act / E. P. Thompson. – London: Penguin Books, 1977. – 328 p.
 14. Zemon Davis, N. Society and culture in early modern France / N. Zemon Davis. – Stanford, California: Stanford University Press, 1975. – 362 p.
 15. Obolenskaya, S. V. Nekto Jozef Shefer, soldat gitlerovskogo vermakhta. Indi-vidual'naya biografiya kak opyt issledovaniya "istorii povsednevnosti" [A certain Josef Schaefer, a soldier of the Nazi Wehrmacht. Individual biography as an experience of researching the «history of everyday life»] / S. V. Obolenskaya // Odissey [Odysseus]. – 1996. – P. 129–130.
 16. Ludtke, A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Noveye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti [Everyday History in Germany. New Approaches to the Study of Labor, War and Power] / A. Ludtke. – Moscow: ROSSPEN; German Historical Institute in Moscow, 2010. – 271 p.
 17. Trivellato, F. Is there a future for Italian microhistory in the age of global history? / F. Trivellato // California Italian Studies. – 2011. – Vol. 2. – № 1.
 18. Gregory, B. S. Is small beautiful? Microhistory and the history of everyday life / B. S. Gregory // The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – P. 100–110.
 19. Boitsov, M. A. Pritihshaya mikroistoriya [Silent microhistory] / M. A. Boitsov // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. – 2019. – № 160. – P. 113–121.
 20. Akelyev, E. V. I snova "Kazus"? [And again "Casus"?] / E. V. Akelyev, M. B. Velizhev // Individualnoe i unikalnoe v istorii. Antologiya [Individual and unique in history. Anthology]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2022. – P. 18–27.
 21. Medick, H. Mikroistoriya [Microhistory] / H. Medick // THE-SIS. Theory and history of economic and social institutions and systems. – 1994. – № 4. – P. 193–202.
 22. Ginzburg, K. Primety. Ulikovaya paradigma i ee korni [Clues: Roots of an Evidential Paradigm] / K. Ginzburg // Mify-ehmblemy-primety. Morfologiya i istoriya [Myths, emblems, clues: Morphology and history]. – Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004. – P. 189–241.
 23. Magnusson, S. G. What is Microhistory? Theory and Practice / S. G. Magnusson. – URL: https://www.academia.edu/5205155/What_is_Microhistory_Theory_and_Practice_2013_ (accessed: 15.07.2025).
 24. Kosheleva, O. E. "Mikroistoriya": neskol'ko slov k chitate-lyu novoj knizhnoj serii ["Microhistory": A Few Words to the Reader of the New Book Series] / O. E. Kosheleva // Individualnoe i unikalnoe v istorii. Antologiya [Individual and unique in history. Anthology]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2022. – P. 7–17.
 25. Szijártó, I. Four arguments for microhistory / I. Szijártó // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. – 2002. – Vol. 6. – № 2. – P. 209–215.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в соответствии с заданием «Исторические регионы Российской империи, Советского Союза и постсоветской Евразии», выполняемым кафедрой истории России Белорусского государственного университета в рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь на 2026–2030 гг. «Социально-экономическая, политическая и национально-культурная безопасность белорусской государственности».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared in accordance with the task «Historical regions of the Russian Empire, the Soviet Union and post-Soviet Eurasia» carried out by the Department of Russian History of Belarusian State University within the frames of the State Program of Scientific Research of the Republic of Belarus for 2026–2030 «Socio-economic, political and national-cultural security of the Belarusian statehood».

Информация об авторе:

Кононова Елизавета Евгеньевна – магистрант Белорусского государственного университета (220036, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, д. 6; e-mail: kononowva@mail.ru).

Author:

Elizaveta E. Kononova – Master's student of Belarusian State University (6, Krasnoarmeiskaya st., Minsk 220036, Republic of Belarus; e-mail: kononowva@mail.ru).

Для цитирования:

Кононова, Е. Е. Микроистория как метод: сопоставление интернациональных исследовательских традиций / Е. Е. Кононова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 50-56.

For citation:

Kononova, E. E. Microhistory as a method: comparison of international research traditions / E. E. Kononova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2026. – No. 2 (87). – P. 50-56.

Дата поступления статьи: 05.02.2026

Прошла рецензирование: 14.02.2026

Принято решение о публикации: 20.02.2026

Received: 05.02.2026

Reviewed: 14.02.2026

Accepted: 20.02.2026